

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ МАСШТАБНОЙ
ТЕЛЕПРЕМЬЕРЫ КАНАЛА «СТБ» —
СЕРИАЛА «КРЕПОСТНАЯ»!

Продолжение романа
«Крепостная. По ту сторону свободы»

Она была вещью, и ею распоряжались, как хотели: продавали, выкупали, дарили и возвращали назад. Она потеряла любимого и едва не умерла от рук жестокой соперницы. Ее ждали участь падшей женщины и неминуемая гибель, но судьба распорядилась иначе. Крепостная Катерина Вербицкая стала свободной. Она — невеста молодого помещика Андрея Жадана. Того самого, который когда-то сам выкупил себя из крепостных. Молодые влюбленные ждали счастья и покоя. Но свадебная церемония обернулась бедой. Неизвестный всадник вонзил нож в Андрея и успел скрыться. Катерину вновь ждут тяжелые испытания...

STARLIGHT
FILMS

FILM.UA
GROUP

Можливо все!

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9143-0

ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

КРЕПОСТНАЯ
ЖЕЛАННАЯ ЛЮБОВЬ

КРЕПОСТНАЯ

ЖЕЛАННАЯ ЛЮБОВЬ

КСД

КРЕПОСТНАЯ
ЖЕЛАННАЯ ЛЮБОВЬ

ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Е. КОСЕНКО, О. КРЖЕЧЕВСКАЯ,
Н. ПРИСТАЕЦКАЯ

КРЕПОСТНАЯ

ЖЕЛАННАЯ ЛЮБОВЬ

ХАРЬКОВ
2021 КСД

УДК 821.161.1(477)
К79

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения правообладателя

ТОЛЬКО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Литературная обработка *Виктории Цыбульской*

ISBN 978-617-12-9143-0

© ТОВ «ТЕЛЕКАНАЛ СТБ», 2020—
2021
© Film.UA Group, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», художественное
оформление, 2021

Глава первая

Полдень заполонил нежинские улочки, и они безропотно утонули в его размеренной праздности. Затихли даже воробьи и, забыв свои бесконечные перебранки, мирно наслаждались теплым весенним днем.

Внезапно тишина взорвалась стуком копыт. По улочке вихрем пронесся всадник в развевающемся черном плаще, на ходу снося корзины торговки и рискуя затоптать прохожих. Торговки, вытаращив глаза от страха, стали мелко креститься, прижимаясь к стенам домов. Следом за странным всадником летел Богдан, а за ними по пятам гроыхала празднично украшенная коляска, которой правил Лукьян.

— Держи его, держи! — кричал он, воинственно поблескивая разноцветными стеклами очков. — Берегись! — вопил возница во все горло, едва не падая с козел в своей безумной скачке.

Лукьян вдруг натянул вожжи, заставляя лошадь замедлить бег. Прищурился, щелкнул кнутом и свернул в боковую улочку.

Над оживленной площадью перед больницей зазвенел взволнованный голос мальчишки-казачка:

— Убили! На глазах у всех посередь церкви! Убили!

Торговки цветами удивленно переглянулись, и одна из них, немолодая дородная женщина, властно дернула казачка за рубаху.

— А ну стой! Говори толком, кого убили?

— Та Жадана ж, благодетеля! Призрак черный зарезал, как ягня! — выпалил мальчишка.

Вывернувшись из цепких рук цветочницы, он побежал дальше, а торговки, как замороженные, стали смотреть на странную

процессию, состоящую из шестерых мужчин, среди которых были Назар и Николай: на ковре, словно на носилках, несли они раненого Жадана.

Катя, едва дыша, шла рядом, не сводя взгляда с обескровленного лица Андрея.

— Держись, дитяtko, держись. Такие, как Андрей Андреич твой, сразу до Бога янголами попадают, — шептала Павлина, сжимая ее руку.

Катя побелела, почти как ее Андрей, и в ужасе отстранилась от Павлины. Та, мгновенно поняв, что дала маху, смущенно замолчала и вместе со своей любимицей, опустив голову, чтобы не видеть сочувствующих взглядов торговок, мимо которых они как раз проходили, двинулась вслед за процессией.

— Помнишь, как он, сердешный, бутоньерку заказывал?.. — протянула товарка немолодой цветочницы. — Теперь, видно, не бутоньерки, а венки поминальные вязать придется...

— Надо побольше роз оксамитовых нарезать. Шибко любят паны их вместе с черными лентами в венках... — отозвалась та. — Я у прошлом году на похоронах покойной пани з Червинки себе крышу новую на сарае справила. О!

— Цыц, черноротые! — прикрикнула на них Дарина, которая еле попевала за Катей и Павлиной. — Шоб вас дети так раньше времени отпевали!

Женщины удивленно уставились на нее.

— Так он живой? — изумились цветочницы.

Дарина бросила на них испепеляющий взгляд и не удостоила ответом.

Богдан мчался вслед за черным всадником и внезапно увидел, как впереди из подворотни наперерез беглецу выехал на коляске Лукьян. Убийца резко остановился, а затем, вонзив коню шпоры в бока так, что бедное животное заржало от боли, стремительно перемахнул через витой забор городского парка.

— А чтоб тебя... — только и проговорил Лукьян.

Богдан тоже вынужден был безжалостно пришпорить своего коня и следом за убийцей преодолеть ограду.

Лукьян же развернул коляску и поехал вдоль забора, наблюдая, как Богдан преследует черного всадника через весь парк, распугивая беспечных гуляющих. И Лукьян, и Богдан были так увлечены поимкой убийцы, что и не заметили, как за ними внимательно наблюдает мрачный угрюмый черкес, старавшийся спрятаться от посторонних глаз то за деревом, то за афишной тумбой.

Тем временем преследуемый свернул к реке и исчез из виду.

Богдан подъехал к берегу. Дальше за речкой виднелись огороды, скотный двор, а потом снова дома, и было понятно, что там вот-вот появится всадник.

— Вон он! — закричал Лукьян.

Не теряя ни секунды, Богдан бросился вперед, выехал на улицу и наконец увидел черный плащ.

Как можно быстрее, однако со всеми предосторожностями, Жадана внесли в приемный покой городской больницы, где его сразу встретил врач.

— Живой... — констатировал он, первым делом проверив пульс. — В операционную его! Теперь же! — коротко скомандовал доктор подоспевшим санитарам.

Дюжие парни подхватили ковер с Жаданом и направились в операционную. Катя поспешила за ними следом и остановилась лишь тогда, когда увидела перед собой закрытую дверь.

— Попрошу без истерик, — услышала она голос врача и, не в состоянии ему ответить, лишь нервно кивнула и села на лавку.

Она слышала, как к доктору подступила тетка Андрея, Ярина, а он на ее мольбу сказать все как есть лишь отрывисто кивнул:

— Как есть?.. Позовите священника. Может, успеет соборовать. И... Молитесь.

А потом ее окутала какая-то странная пелена, поглотившая все чувства и мысли. Катерина видела, как от страшных слов врача посерела лицом и стала оседать на пол Ярина, как Александр Васильевич и Елена бросились к ней, чтобы поддержать, как Софья Станиславовна подавала Ярине воду... Все они тревожно суетились вокруг Ярины, однако смысл происходящего не доходил до Кати. Она безучастно смотрела на близких людей, почти не узнавая их.

— Пойду-ка я к полицмейстеру. Боюсь, без особого внушения наши господа жандармы усилий по поиску убийцы прилагать не станут, — донесся до нее голос Николая. — Софья Станиславовна, прошу вас, останьтесь пока тут, с Катей, а позже я сам отвезу вас в Косачевку.

— Я побуду с ней, — отозвалась Софья Станиславовна. — Из дворни все равно сюда не пустят ни горничную, ни даже Павлину Йосиповну... Ступайте, — проговорила она, подсаживаясь к Кате.

Черный всадник мчался во весь опор через двор, за ним несли Богдан, у которого все никак не получалось догнать преступника. Тем временем тот стрелой вылетел через арку на улицу, но тут путь ему преградил Лукьян на своей коляске. Лошадь черного всадника встала на дыбы. Теперь деваться ему было некуда: впереди повозка, сзади настигает Богдан. Черный всадник оглянулся и, к своему счастью, увидел балконную галерею, а рядом с ней пожарную лестницу, которая вела на крышу. Не раздумывая, он спрыгнул с лошади и бросился на лестницу. Богдан устремился за ним. Лукьян хотел было тоже двинуться, но тут, как на грех, оказалось, что он не один на улице, о чем ему, не выбирая слов, напомнили городские извозчики. Лукьян лихорадочно раздумывал, что можно предпринять, и увидел, как черный всадник и Богдан бегут вверх по лестнице на балкон, заставленный разным старьем...

Убийца был на удивление ловок и силен. Он успевал не только резво перемахивать через пожитки и сломанные детские коляски, но и опрокидывать всю эту рухлядь под ноги своему преследователю. Наконец черный всадник добежал до заветной двери, которая вела к пожарной лестнице на крышу, понимая, что это его единственный шанс избавиться от погони. С видимым облегчением он ее дернул, но вот беда! Та оказалась надежно заперта. Невероятным усилием преступник попытался выломать дверь, но Богдан был уже совсем рядом, еще секунда, и он смог бы сдернуть черный плащ... Однако, увлеченный погоней и жаждущий развязки, он совсем не заметил позади себя черкеса. Того самого, что следил за ним и Лукьяном в парке... а в следующее мгновение несчастный Богдан уже лежал на балконе без сознания.

Черкес занес над ним клинок, намереваясь перерезать горло. В последний момент он поднял глаза на черного всадника, словно спрашивая разрешения, и, повинуясь его безмолвному жесту, покорно опустил оружие.

В участке, куда поспешил Николай, его почтительно принял сам начальник жандармерии, выслушал с должным вниманием и, надев маску обеспокоенности, заверил, что все необходимые меры будут приняты.

— Будьте покойны, Николай Александрович. Весь город на ноги поднимем. Найдем, — заверил начальник жандармерии, проследив за взглядом Николая.

Пора было поблагодарить и откланяться, но тут перед ними остановилась открытая коляска и из нее буквально выпрыгнул взволнованный предводитель дворянства.

— Мое почтение. Правда ли? Неужели господин Жадан убит?!

— Ранен, — отрывисто ответил Николай. — Доставили в больницу. Нестор Михайлович оперирует. Молимся о чуде.

— Кто ж этот нехристь? Узнали его? — продолжал предводитель дворянства.

Николай отрицательно покачал головой.

— Кроме черного плаща, никто ничего не успел рассмотреть...

— Все меры по поимке приняты! — встрепенулся начальник жандармерии. — Весь состав поднят по тревоге, выезды из города перекрыты. Общем каждый закуток. Найдем! Будьте уверены.

— Пусть Бог будет милостив к господину Жадану, — произнес предводитель, как будто не слыша слов начальника. — Передавайте мое почтение вашему батюшке.

— Непременно, — сдержанно ответил Николай и поспешил откланяться.

— И приспичило же ему жениться именно у нас. — Предводитель наконец сфокусировал взгляд на начальнике жандармерии. — Забирал бы свою девку и ехал бы себе в Киев... экая досада...

— Вот. Думается, кто-то из киевских его и эт самое... — поддакнул тот.

Предводитель строго свел брови.

— А это уж мне все равно. Чтобы к вечеру этот таинственный неизвестный в черном плаще был в кайданках! Ясно?!

Начальник жандармерии отдал честь, лихорадочно соображая, как будет выкручиваться из создавшегося положения.

Черкес, со свертком черной ткани в руках, тенью крался вдоль улицы, прикидывая, как избавиться от своей ноши, не привлекая лишних взглядов. Мимо проехала повозка, в которой сидели двое жандармов, и до него донеслось:

— Ни одной крыши чтоб не пропустил! Мог на чердаке схорониться! — поучал один из них, что был постарше, другого, юного с виду.

— Эх, была б хоть какая еще примета, кроме плаща... — обеспокоено проговорил молодой, и повозка поехала себе дальше.

Черкес замер, глядя на удаляющихся жандармов, и поспешно оглянулся. Поворот во двор оказался именно тем, что было нужно, — скомкав плащ, он сунул его в разбитую форточку грязного подвального окна. Вдохнул с облегчением и пошел прочь, уверенный в том, что навсегда избавился от улики.

Бесформенный комок ткани упал вниз, куда-то в подвал, где на грязном матрасе храпел пьяный и чумазый Васька Ворон. На какое-то время плащ задержался на подоконнике, а затем под собственной тяжестью сполз вниз и упал на ноги Васьки. Не размыкая глаз, Васька поежился и укрылся нечаянной находкой.

Приложив невероятные усилия, Лукьян таки смог вырваться из плотного кольца разгоряченных перебранкой извозчиков и поспешил на подмогу.

Увидев Богдана без признаков жизни, Лукьян припал ухом к его груди. Ему показались вечностью те несколько мгновений... а затем он радостно улыбнулся и похлопал Богдана по щекам.

— Упустил! Черт возьми, упустил! — едва очнувшись, горько вскрикнул Богдан и с остервенением ударил кулаком по нагретой солнцем крыше.

— Лицо-то хоть его разглядели? — участливо спросил Лукьян.

Ответом ему был мрачный взгляд Богдана, который был красноречивее любых слов.

Шинок привычно гудел голосами, и среди них Яков с отвращением различил разговор двух бывших крепостных, которым он когда-то, в бытность свою управляющим Червинкой, не давал вздохнуть непомерным оброком. Однако с того времени, как его там не стало, у этих двух кумовьев, видимо, дела пошли в гору, и теперь они наперебой рассказывали друг другу, как им, вольным, хорошо живется при пане Жадане.

— О, Яков Юхимович! А ты чего сидишь сухой, как солома? — Один из кумовьев заметил небритого, осунувшегося Якова.

— Чай, все уж пропил. И шинкарка в долг уже не наливает. От и сидит, как пес побитый, ждет, может, кто поднесет, — ответил вместо Якова другой кум, и они весело рассмеялись.

— То доля ему платит за наши горести, — рассудительно сказал первый кум, и, обращаясь к Якову, небрежно бросил: — А ну, Яков Юхимыч, выпей с нами! Мотря, налей ему!

Он дал шинкарке копейку, и та охотно налила Якову чарку.

— За здоровье молодых! За Андрей Андреича та Катерину! — объявил тост селянин, и они с кумом внимательно посмотрели на Якова.

С вожделением уставившись на чарку, он сделал вид, что не слышит их.

— Э, не-е, а тостовать хто будет?! — напомнил второй кум.

Напиток так призывно манил Якова, что не подчиниться было выше его сил. Скрипнув зубами, он негромко произнес:

— За здоровье молодых... — И схватил чарку.

Первый кум, довольно потирая руки, вновь подозвал шинкарку:

— А ну, Мотря, давай ще Юхимычу чарку, хай еще за здоровье вольных селян выпьет!

Зубы Якова заскрипели сильнее.

— Шо, Юхимыч, чай на службу уж и не берет никто? А выпить-то хочется... — стал дразнить Якова селянин, протягивая ему чарку, но не отдавая.

— Е-е-е... Осмелели... Мало я вас порол... — в бессильной злобе бросил Яков. — Эх, кабы б не... Я б... У-у!!! Отведали б вы у меня батога!..

В этот момент дверь шинка распахнулась настежь и на пороге появился запыхавшийся дворовой.

— Гнат, ты чего? Пожар чи шо? — удивился селянин, позабыв про Якова.

— Пан вернулся... — еле переводя дух, выпалил Гнат.

— Гайда поздравлять! Совет да любовь! — подхватился кум, надевая шапку.

— Чур, мы первые величальную петь будем! — объявил его друг.

Дворовой Гнат отчаянно замотал головой:

— Не тот пан. Петр Иванович. Вернулись. Лютуют.

Кумовья остолбенели. Пользуясь моментом, радуясь новости, Яков опрокинул в глотку заветную чарку.

— Кончилась ваша воля! Ха-ха-ха! — зашелся он пьяным смехом.

Не выдержав, один из кумовьев красноречиво ткнул ему под нос кукиш, однако другой от греха подальше увлек друга за собой на улицу.

— Дывысь, Панас с Галькой вертаются, — заметил он, наблюдая, как знакомая повозка заезжает во двор шинка. — Значит, скоро и Жадан с Катериной будут!

— Эй, Панас, молодых скоро ждать? А то тут такое творится... — Кумовья подступили ближе к приезжим.

Панас и Галя остановились. Галина опустила глаза.

— Шо это вы как с поминок? — не выдержал кум.

Люди, что крутились поблизости, засмеялись. Однако Панас, хмуро переглянувшись с Галей, лишь вздохнул:

— Убили Жадана...

— Шо ты мелешь? — вскипел селянин.

— Ты, это... не жартуй так! — поддержал его другой.

— Та какие жарты?! Зарезали прямо у церкви...

Наступила тревожная тишина, и лишь Яков, встав за спиной у кумовьев, язвительно заметил:

— Есть Бог на свете...

Жадан без сознания лежал на операционном столе. Рядом с ним возвышалась горка искромсанный одежды, которую аккуратно срезали ассистенты, стараясь не задеть нож.

— Нестор Михайлович, закончили... Будете вынимать нож? — подал голос один из ассистентов.

— Черт... ну не любоваться же на него! — резко ответил доктор. — Ладно... Дай бог, ему повезло и сердце не задето. Готовьтесь тампонировать рану!

Ассистенты с бинтами и корпией приготовились, медсестра взяла Жадана за запястье, считая пульс...

— Раз! Два! Три! — скомандовал врач.

Тотчас брызнула кровь. Хирург с силой зажал рану, ассистенты приложили корпию, она мгновенно пропиталась насквозь, и медсестра, невзирая на свой опыт подобных операций, не смогла сдержать изумленного возгласа.

— За пульсом следи! — сквозь зубы бросил ей врач; она снова схватила Жадана за запястье, чтобы нащупать пульс.

— Кровь не останавливается! — доложил ассистент.

— С чего ей, черт возьми, останавливаться? — рявкнул врач. — Надо прижечь сосуды. Щипцы!

Софья Станиславовна, сидевшая все это время возле Кати, услышала слова врача и обеспокоенно повернулась к Катерине, но та лишь неотрывно смотрела на дверь операционной, не выказывая никаких эмоций.

Софья Станиславовна не на шутку встревожилась, видя такое состояние Катерины. Она хотела было позвать на помощь, как вдруг в коридоре появился следователь с двумя жандармами.

— Ну и толпа! Будто архиерея ждут. На царский поезд поглазеть меньше зевак собиралось... — ворчал следователь под впечатлением от количества народа, собравшегося поглазеть на происшествие. — Любезная, где теперь господин Жадан? — Он наконец заметил шедшую по коридору сиделку.

Та кивнула на операционную.

— Оперируют его.

Следователь сделал знак пришедшим с ним жандармам занять пост у операционной. Затем оглянулся, увидел Катю в подвенечном платье и деловито к ней подошел.

— Особый следователь Нежинского уголовного сыска Загоруйко. Вы невеста? Во время нападения ближе всех стояли? Извольте ответить на ряд вопросов.

— Да как вы смеете? В подобном тоне! Да еще и в такой момент?! — возмущенно вспыхнула Софья Станиславовна. — Неужто не понимаете, в каком она состоянии?

— Жена... — негромко отозвалась Катя.

— Что, сударыня, простите? — не расслышал следователь.

— Не невеста. Я жена Андрея Андреевича Жадана, — повторила Катя.

— Чудно, — безразлично проговорил следователь. — Удалось ли вам разглядеть лицо убийцы? Быть может, он показался вам знакомым?

— Я не видела лица... только черный капюшон.

— Быть может, он сказал что-то, прежде чем ударить ножом вашего мужа?

— Нет. Ни слова...

— Мог ли это быть кто-то из ваших ухажеров, кто, так сказать, с выбором смириться не смог?

Катя с недоумением посмотрела на следователя.

— Ради всего святого! — возмутилась Софья Станиславовна.

В этот момент из операционной вышла медсестра, неся нож.

— Барышня! Пожалуйста-ка сюда, — скомандовал следователь. — Этим ножом был заколот нынче в церкви господин Жадан? Он вам знаком? — обратился он к Кате.

Катерина увидела нож, кровь на нем, утвердительно кивнула и лишилась чувств.

Громкое убийство в церкви стало не только живейшей темой для обсуждения во всех уголках Нежина и его окрестностей, но и добавило огромное количество работы местной полиции.

Жандармы то и дело приводили в участок самых разных подозрительных личностей и в черных плащах, и без оных. Главное,

что все они, как один, выглядели несчастными и подозрительными, а значит, по мнению стражей порядка, могли быть убийцами.

Однако оставим на совести жандармов подобный подход к делу. Тем более что и сам следователь все еще не вполне владел ситуацией, опираясь только на главную улику, о чем он и поведал Николаю, с которым тихонько переговаривался в коридоре больницы, время от времени разводя руками.

— Толку, Николай Александрович, с улики этой! Ни монограммы, ни клейма фирменного. Разве что рукоятка приметная — гончую тонко мастер изобразил.

— Черт! — скривился Николай. — Да в одном нашем уезде заядлых охотников, любителей псов, десятка два наберется!

— Вот и я о том же, — признался следователь и добавил: — Под больницей чуть не весь Нежин да Червинка, пойду опрошу, может, опознает кто, но сами понимаете, каковы шансы.

Следователь взял нож и ушел. Николай не стал его задерживать и оглянулся в поисках Кати, однако ее нигде не было видно. Только Софья Станиславовна задумчиво стояла в одиночестве у окна.

— А где Катя? — встревожился Николай.

Софья Станиславовна вздохнула, кивнув в сторону дальнего коридора.

— В молельне. Ей успокоение надобно и надежда. Хоть призрачная. Не будем ей мешать...

Совсем рядом с молельней находилась маленькая каморка, где хранилось чистое белье. Сейчас двери этой подсобки были раскрыты настежь, и на пороге стояла медсестра с охапкой окровавленных тряпок, которые она с усилием сбросила в корзину в углу.

— Давай чистых. Да побольше, — нетерпеливо сказала она сиделке, которая отвечала за выдачу белья.

— Ого! Живой еще? — откликнулась сиделка.

Медсестра кивнула и затараторила:

— Только, знаешь, зря все это... Уж я столько всего перевидала... Говорю тебе, не жилец этот Жадан. Лишь корпию да тряпки зря изводим. Попомни мое слово...

— Народу под больницей — жуть! — перебила медсестру сиделка, складывая ей на руки чистое белье. — Говорят, то все невеста виновата!

Беседуя, женщины не заметили, как из молельни вышла Катя. Молитва подкрепила ее дух, ей стало полегче, но слова, которые она услышала, заставили ее замереть от ужаса.

Сиделка повернулась за новой стопкой белья, ни на секунду не смолкая:

— Проклятая она. Слыхала: в прошлом году чуть вся Шефировка не сгорела? Так из-за нее ж! И Купчиха с катом своим, и отец невестин на тот свет прямиком отправились. И все в один день, представляешь?

— Ох... — аж присела от страха медсестра. — Жутко небось с такой в одном доме жить. Как знать, на кого следующего рядом с ней смерть глаз свой черный положит.

— Ой, свят, свят... — подхватила сиделка. — Ты там мимо нее по коридору скачешь — водой святой умойся, а то неровен час...

Медсестра, не заметив Кати, со стопкой чистых тряпок снова направилась в операционную.

Ваську Ворона разбудили чужие голоса.

— Подъем! Документы! Достаем, показываем... — слышался властный молодой голос жандарма.

А через мгновение появился и он сам. Пробежался взглядом по пыльному подвалу и уже хотел было закрыть дверь, как вдруг заметил в углу под окном что-то темное. С озабоченным видом зашел и увидел Ваську, укрытого черным плащом.

— Ах ты ж... Сюда! Нашел! Убийцу нашел! — Молодой жандарм живо схватил Ваську за шкирку.

В каморку забежал еще один жандарм, постарше.

— О, Пахомыч... Здрав будь... — осклабился Васька.

— Какой я тебе Пахомыч?! — свел брови жандарм. — Ты где плащ этот взял?! Украл?! Отвечай!

Васька пьяно зыркнул на черный плащ, накинутый на плечи.

— Чего эт украл... Мой он. Третьего дня в кости выиграл.

— Третьего дня? — переспросил молодой жандарм.

- В точности! — подтвердил Васька.
- Бреешь! — не поверил Пахомыч.
- Вот вам крест! — забожился Васька. — Мой плащ.
- Вяжем его, Козаревич, быстро! — приказал Пахомыч своему молодому напарнику.
- За что?! — заорал Васька, однако его скрутили и под белые ручки повели в участок.

Софья Станиславовна с Николаем все еще были в коридоре, дожидаясь Катю из молельни.

— Господи, в голове не укладывается... — не могла успокоиться Софья Станиславовна. — Кто? Зачем?! Да еще так страшно...

— Андрей жил открыто, запросто встречался и вел дела с самыми разными людьми... — начал было Николай, как вдруг по больничному коридору прокатился испуганный женский вскрик.

Кричала молоденькая сиделка, которая разносила лекарства по палатам. С перепугу она прижала к груди судок с лекарствами и ошалело смотрела на балкон в конце коридора, где на парапете стояла Катя, балансируя на самом краю.

— Господи... прости мне прегрешения мои вольные и невольные... Если можешь, прости и этот грех... Так... так будет лучше для всех, — шептала она, устремив вниз пустой взгляд.

На крик сиделки из палаты выбежал санитар.

— Нет! — в испуге закричала Катерина, едва заметив его.

Николай, вовремя оценив обстановку, принял единственно возможное в такой ситуации решение.

— Не подходите! Слышите?! Ни шагу! — скомандовал он. — Катя... Катенька... Полно! — проговорил он, застыв на полпути.

— Оставьте меня!!! Так будет лучше всем!

Катя балансировала на самом краю подоконника.

— Милая, ну зачем же... — как можно мягче начал Николай. — Андрея спасут. Он будет жить. Вот увидите. Дайте же мне руку.

Николай сделал несколько коротких шагов к Кате.

— Нет! Не трогайте меня! Неужели вы не поняли?! Это все из-за меня! — Катерину душили слезы. — Я проклята! Проклята!

Николай с санитаром растерянно переглянулись, не зная, как быть дальше. И тут властно зазвучал голос Софьи Станиславовны:

— Глупость. Чудовищная и бессмысленная. Не выдумывай и слезай немедленно.

— Да вы же первая ненавидеть меня должны! Алеша из-за меня погиб! Если б не я... — проговорила Катя.

— При чем тут ты? — промолвила Софья Станиславовна таким тоном, который заставил Катю против ее воли прислушаться. — Алексея убил Григорий. И не из-за тебя, а из трусости. Ты тут ни при чем. С тобой или без тебя, но, узнав о вранье Григория, Алеша бы не смолчал. И все закончилось бы так же.

С большой осторожностью Софья Станиславовна подошла ближе.

— Виновник смерти моего сына уже в могиле. Тебе корить себя не в чем.

— Да разве только он? — упорствовала Катя. — И крестная, и отец, и Василинка, и даже... Лидия с Захаром. Всё, всё из-за меня.

— Ошибаешься. — Софья Станиславовна легонько взяла Катю за руку. — Люди выбирают свою судьбу сами. Каждым своим решением, каждым поступком. Ежеминутно. И ни ты, ни проклятия тут ни при чем.

Катя доверчиво повернулась к Софье Станиславовне.

— Все можно исправить, — продолжала та, уже сильнее сжимая Катину руку. — Все. Кроме смерти. Оттуда не вернуть. А твой Андрей жив. А значит, нельзя сдаваться. Ради него. Понимаешь?

Катя устремила на Софью Станиславовну долгий взгляд, и та поняла, что самое страшное уже миновало.

— Иди ко мне, — сказала она тихонько, принимая Катю в объятия и жестом показывая Николаю и санитару, чтобы отошли.

— Вашблародие, поймали! — завопил появившийся невесть откуда жандарм и кинулся к Николаю. — Все, как вы и говорили: плащ черный, приметный при нем был. Господа, прошу в участок для опознания, — отчеканил жандарм, глядя на Софью Станиславовну и Катю.

— Покамест и одного моего слова будет достаточно, — решительно произнес Николай и пошел следом за жандармом.

Подъехав к участку, они увидели целую группу стражей порядка во главе с городовым, которые вели Богдана и Лукьяна.

— Руки! Пусти! — зло огрызнулся Богдан.

Николай выскочил из повозки и направился к городовому.

— Что здесь происходит?

— Да вот, Николай Александрович, беспорядки чинили, — доложил тот.

— Мы убийцу ловили! — уточнил Богдан. — Вашу ж работу делали!

— Моя работа — покой в городе охранять. А вы магнолию на площади помяли, когда неслись как оглашенные. А ее сама великая княгиня Александра Николаевна... — не унимался городовой.

— Вы о дереве печетесь, а о людях?! У вас убийца по улицам разгуливает! — закричал Богдан.

— Уже поймали. Я как раз спешу на опознание, — примирительно произнес Николай.

— Трофим, — обратился жандарм к городовому, — отпусти этих господ под мою ответственность. Больше они бесчинствовать не будут, даю слово, а вот поприсутствовать на опознании им тоже бы не мешало.

Николай вместе с Богданом, Лукьяном и жандармами скрылись в дверях полицейского участка.

Наконец в больничном коридоре появился врач. А в следующую минуту Катя была уже в операционной, где на каталке, перебинтованный и бледный, лежал Андрей.

— Живой... какое счастье... живой, — бросилась к нему Катя.

— Екатерина Степановна... — с сочувствием в голосе обратился к ней хирург.

Катя бегло оглянулась на него и снова прикипела взглядом к Андрею.

— Я хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли, — продолжал доктор. — Я просто не имею права напрасно вас обнадеживать...

Господин Жадан потерял много крови, и вам нужно быть готовой к любому исходу. И... не особо надеяться...

— Как вы можете? Он дышит, он жив! — Катины глаза полыхали огнем. — Вы должны, вы обязаны верить!

— Поезжайте домой, поспите. Я пришлю за вами, если Андрей Андреевич придет в себя, — предложил врач.

— Никуда я не поеду! Слышите?! Я останусь здесь! Я буду сама за ним ходить. Менять повязки, промывать раны! И вы не смеее мне это запретить! — твердо сказала Катерина.

Врач одарил ее усталым взглядом, однако больше не сказал ни слова.

И снова Николай стоял на крыльце участка, только на этот раз уже в компании Богдана, следователя и все того же начальника жандармерии. Последние, в отличие от Богдана, пребывали в прекрасном расположении духа.

— Всего хорошего. Господину Жадану дай бог скорейшего выздоровления, — говорил на прощание начальник жандармерии, расплывшись в улыбке, а потом, не меняя выражения лица, добродушно повернулся к следователю: — А нам есть что отметить нынче! Правда, коллега?

Следователь с довольным видом кивнул, и они, раскланявшись, удалились.

— Видали?! — вскипел Богдан. — В глаза им тычешь: черное. А они: рябое! Сбыли дело с рук, да и все! Сколько надо было им повторять, что это не он?! Что я, слепой?! Ну и что с того, что я не видел лица преступника? — Богдан в бессильной злобе сжал кулаки. — И где они только откопали этого забулдыгу несчастного? Васька Ворон, да? Вы видели, Николай, этого Ваську, когда жандарм накинул на него тот пресловутый черный плащ? Да он явно ему не по размеру был. Вы видели? — допытывался Богдан.

— Да что там было видеть? — горько отозвался Николай. — Когда на мое требование опознать нож они просто спросили подозреваемого, его ли это нож. Разве ж это опознание?! Надо было хотя бы два ножа ему показать!

— Несомненно, — подтвердил Богдан. — Впрочем, как и то, что этот Васька незнамо зачем себя оговаривает. «Николай Александрович, ну что вы придираетесь? Убийца пойман? Пойман. Улики опознал? Опознал. В содеянном сознался? Со-знался! Какой смысл человеку себя оговаривать?» — повторил Богдан слова начальника жандармерии.

— Поеду-ка я к предводителю дворянства, — задумчиво произнес Николай. — Надо просить возобновления расследования. Чтоб все как положено: с опросом всех свидетелей, сопоставлением фактов... Теперь же поеду.

— Ну-ну. Желаю успеха, — хмуро сказал Богдан.

— А вы?

— А я в больницу, — рассеянно ответил Богдан. — А до той поры...

Николай не стал допытываться, кликнул проезжающего извозчика и укатил.

— Богдан Юрьич, коляска отам трошки дальше, — подошел к Богдану Лукьян.

— Ага... только дай мне минутку, Лукьян... ты иди, жди меня в коляске, я сейчас...

Оставшись в одиночестве, Богдан внимательно осмотрел фасад полицейского участка, завернул за угол дома и подошел к боковому окну, за которым находился кабинет начальника жандармерии, где на столе все так же лежал завернутый в тряпку нож.

Как только Андрея доставили из операционной в палату, Катя ни на секунду не отходила от любимого. Меняла компрессы, пытаясь остудить пылающий горячкой лоб, и ненароком перегоразживала путь врачу, который заходил в палату, чтобы контролировать состояние больного.

— Послушайте меня, Катерина Степановна! — не выдержал доктор. — Я не выгоняю вас! Но вам не мешало бы переодеться! Вы своим кринолином мне половину палаты перегоразживаете!

Катя нерешительно замерла.

— Спотыкаться о вас прикажете?! — не унимался врач.

— Хорошо, — наконец сдалась Катерина. — Но я лишь сменю платье и тут же вернусь.

— Не спешите. Постарайтесь отдохнуть и поесть хорошенько. Это придаст вам сил. А они вам понадобятся, — напутствовал ее доктор.

— Эй, ребята! Отбой, — донесся из коридора голос жандарма. — По домам. Не столбычте тут!

Катя выскочила в коридор и увидела, что жандармы-охранники направляются к выходу.

— Как? Почему вы уходите?! Его нельзя оставлять одного! — взмолилась она.

— Барышня, барышня, успокойтесь. Убивца ж поймали, он во всем сознался. Так что ничего вашему жениху не угрожает, — мягко ответил один из жандармов, уступая дорогу Богдану, который шел им навстречу.

— Наконец-то! Богдан Юрьевич, вы уже знаете? Кто это сделал?! Зачем?! — бросилась к нему Катя.

— Не знаю. И никто не знает. Эти проходимцы поймали не того! — злобно бросил Богдан.

Катя изменилась в лице:

— Да ведь теперь он совсем беззащитен! Его нельзя оставлять тут одного!

— А я и не оставлю.

Когда все ушли, Богдан поспешил в палату к Андрею. Как можно плотнее закрыл дверь, перед тем еще раз удостоверившись, что поблизости никого нет. Устало опустился на пол у кровати, достал спрятанный сзади за поясом нож и стал крутить его так и сяк, внимательно рассматривая.

В ожидании Кати верная Павлина, а с нею Назар и Орыся, расположились возле кареты. Павлина незаметно задремала, а Орысе и Назару было не до сна.

— Господи, темно уже. Богу дякувать, хоть поймали этого черта, а то страшно... — вздохнула Орыся. — Ох... — округлила она глаза. — О-ох... Ого...

— Что? Что такое? — встрепенулся Назар.

Орыся не ответила и только расплылась в доверчивой улыбке.

Тут на крыльце больницы появилась Катя в сопровождении Софьи Станиславовны и Николая.

Ее изможденный вид, окровавленное платье тут же не только стали центром внимания досужих зевак, но и вызвали живой интерес газетчика, который наконец-то смог пробраться к свидетелю события.

— Скажите, господин Жадан жив? Что вы почувствовали во время нападения? Вам страшно? Как думаете, будут ли следующие нападения? — сыпал он вопросами.

— Не надо... — слабо запротестовала Катя.

— Вы узнали убийцу?! Кто он?! Кто может вам мстить?! — не сдавался газетчик.

— Я не знаю!.. — выдавила Катя уже на грани истерики.

Кто-то из зевак стал трогать ее платье, рассматривая, кровь ли это.

— Оставьте меня! — закричала она, не зная, как избавиться от этого кошмара.

— Прочь! Прекратите! Хватит! — пришел на помощь Николай, помогая Кате пробраться к карете, где ее уже ждали Павлина, Назар и Орыся.

— Дитяtko, ну?! Как Андрей Андреич? — схватила ее в объятия Павлина.

— Живой, Павлусенька, живой! — пролепетала Катя.

— Значит, Бог услышал наши молитвы! Счастье какое, — от души обрадовалась Павлина. — Сейчас домой будем ехать, я к мамке своей загляну, возьму у ней мази целебные, которые раны быстро заживляют, да чаев из трав лесных, которые силы придают. Мы твоего Андрей Андреича враз на ноги поставим. Вот увидишь, — радостно приговаривала она, увлекая свою любимицу к карете.

— Только Богдан сказал, что убийца на свободе... — Катя повернулась к Николаю.

— Не думайте сейчас об этом. Вам нужно отдохнуть, — ответил Николай. — Мы с Богданом Юрьевичем просто так это не оставим.

— Спасибо вам... до завтра.

Карета подъехала к парадному крыльцу панского дома в Червинке, и из нее вышла Катя, едва держась на ногах.

— Добранич. Завтра сам тебя свезу в больницу, — проговорил Назар, с сочувствием глядя на Катю.

— Спасибо, Назарчик, — отозвалась она. — И тебе, Орыся, спасибо, что не оставили меня сегодня. Как же хочется, чтоб этот страшный день уже закончился.

— Так он уже, считай, все. Так шо не кручинься, все будэ добрэ. Выздоровеет твой Андрей Андреевич, — заверил Назар.

— У него ангел-хранитель ох какой сильный! — поддержала мужа Орыся.

— На это и уповаю. Спасибо вам.

Назар и Орыся уехали. Катя направилась к дому. Дернула двери, но... они были заперты.

— Тихон... — позвала она лакея. — Это же я... Эй! Откройте! Тишина.

— Да что ж такое-то? — в сердцах бросила Катя, снова занеся руку, чтобы постучать, однако дверь неожиданно раскрылась и на пороге появился разъяренный Петр Иванович.

— Петр Иванович... Что вы тут?.. — испуганно отшатнулась Катя.

— Вот! Бери это и убирайся вон! Тварь неблагодарная! — Он вытащил из-за пояса свернутую в трубочку бумагу и швырнул ее Кате под ноги. — Хотела воли?! Подавись. Вон пошла!

Катерина окаменела.

— Я никуда не уйду. Это мой дом!

— Вона как...

— И грамота ваша мне не нужна. Я вольная.

— Вольная? Ну так и проваливай. А про Червинку забудь. Моя она! И воровке дрянной с руками в крови никогда принадлежать не будет. Пшла!

Тем временем Тихон, стараясь не смотреть на Катю, вынес чемоданы с ее вещами. Петр Иванович раздраженно выхватил их у него из рук и швырнул далеко на дорожку.

— Зачем вы так, вы же не знаете ничего... В смерти Григория Петровича я не повинна. И в том, что он все потерял, — тоже... — растерянно промолвила Катя.

Петр Иванович отвесил ей тяжелую пощечину.

— Во-он!!! — заорал он. — А появишься снова — собак спущу! Руками удавлю, тварь такую, чтоб наверняка!

В ночном небе раскатисто загрохотал гром, предвещая скорую грозу.

Хлопнув дверью, Петр Иванович стремительно ушел в дом. Катя отчетливо услышала, как повернулся ключ в замке.

В окровавленном подвенечном платье стояла она перед домом, с немим отчаянием прижимая ладонь к горящему лицу, которое не в состоянии был остудить внезапный майский ливень.

Глава вторая

Катя стояла одна посреди двора. Ее душили слезы отчаяния, готовые извергнуться рыданиями, как вдруг она заметила, что Петр Иванович, чуть отклонив прозрачную занавеску, пристально наблюдает за ней из окна кабинета. Невероятным усилием воли Катя подавила рыдания, чтобы не дать возможности своему врагу утешиться ее страданиями. Холодно взглянув в сторону окна, она подняла мокрый тяжелый чемодан и пошла прочь со двора. Вольную же грамоту, выписанную Петром Ивановичем, она даже не удостоила взглядом, и та осталась сиротливо лежать под дождем.

— Нарешти. Все, гайда спать. Ох, и денек выдался... — промолвил Назар, заканчивая обходиться с лошадьми.

— Чекай... Мне тебе сказать надобно... — нерешительно начала Орыся.

— Случилось что? — обеспокоился Назар. — Кажи.

— Случилось, Назарчик, — улыбнулась Орыся. — Ребеночек у нас будет, — сказала она и смолкла, напряженно ожидая реакции мужа.

От неожиданности Назар нахмурился, а потом, осознав ошеломляющую новость, только и смог вымолвить:

— Э... ух! Та неужто?

— Руку дай! Ну, давай, давай, скорее. — Орыся схватила Назара за руку и быстро приложила ее к своему животу. Назар притих, а потом весь озарился невероятным светлым счастьем.

— Толкается!

— Ага... Сегодня как сидели, Катрусю ждали, тихонько так з середины, будто птенчик крыльцем: бух. А потом сильнее: бу-ух, — поведала разругавшаяся Орыся.

— От оно как бывает. Жили себе просто Назар и Орыська, а теперь душа новая будет, — неспешно проговорил Назар, словно примеряя к себе эту мысль. — А когда ж? Скоро?

— К Покрове...

— Ох, хату надо свою ставить, хватит в прыймах у Катьки жить. Нам теперь особо своя крыша нужна, — начал было Назар, но Орыся его перебила:

— А ну, чшшш! — Она чутко прислушалась. — Чуешь? Кто это там? Треба подывытыся.

Они вместе вышли и увидели, как Катя сидит на чемодане и плачет.

— Катруся?! Ты чего?! — кинулась к ней Орыся.

— Шо трапылося? Кто обидел? — Назар сжал кулаки, готовый в любую минуту пустить их в ход.

Однако пудовые кулаки Назара, которыми он запросто мог свалить с ног вола, были совершенно бессильны перед лицом новой напасти.

— Петр Иванович вернулся, — произнесла Катерина, глотая слезы.

— Все ясно, — мигом сообразила Орыся, — Назар, доведеться знову коней запрягати.

— Катруся, так куда едем-то? К панам Дорошенкам? — спросил Назар.

Катя задумалась.

— Нет. Там уж спят все. Да и еще одних расспросов я не выдержу... — Она глубоко вздохнула. — Едем в гостиницу.

Снова свадебная коляска покатила по дороге, увозя разбитую, погруженную в свои мысли Катерину, которая, пребывая словно в полудреме, пыталась понять, что ей же делать дальше.

— И шо ж теперь-то? Вернет пан все как было? — тихонько спрашивала Орыся Назара, сидя рядом с ним на козлах, время от времени оглядываясь на Катю, думая, что та спит.

— Ну уж нет, — так же негромко отвечал ей Назар. — Как бы там не повернулось у панов, а моя дытына крипаком не будет!

Орыся снова оглянулась на Катю.

— А ежели помрет Андрей Андреич?

— Нечего раньше времени причитать. Вольные мы, и точка. А Жадану дай бог сил и здоровья, — решительно заявил Назар.

— А може, убийцу в церкву пан Петр Иваныч подослал? Ему ох как на руку... — предположила Орыся, однако Назар ничего ей не ответил и только сильнее хлестнул лошадей.

Хозяин гостиницы уже собирался закрыть на ночь стойку с ключами, когда в холл вошла Катя, а за ней Орыся с Назаром.

— Добрый вечер, мадам. Чем могу служить? — произнес хозяин, окидывая цепким взглядом молодую женщину в окровавленном платье и мгновенно сообразив, кто это такая.

— Мне нужен двухкомнатный номер, по возможности с удобствами.

— Люксы все заняты... такой ажиотаж в городе был...

— Меня устроит любой, — быстро сказала Катерина, не давая возможности хозяину распространяться о происшествии.

— Извольте сделать запись в книге. — Хозяин повернул к Кате большую регистрационную книгу и чернильный прибор. И пока она писала, с нескрываемым любопытством произнес: — Вам, вероятно, сейчас очень тяжело, после всего... пережитого. Вам нужно прийти в себя. Понимаю. Уверяю, у нас вас никто не побеспокоит.

— Хорошо бы, — резко ответила ему Орыся и уже совсем другим тоном обратилась к Кате: — Назар сейчас коней напоит и от тебя ни на шаг.

— Слуг вы можете разместить в общей людской, — поджав губы, сказал Катерине хозяин.

— Это не слуги. Это мои друзья. — Катя строго подняла глаза на хозяина, и тот, не желая продолжать разговор, протянул ей ключи от номера:

— Прошу, второй этаж, направо седьмой номер. Останетесь довольны.

Катя забрала ключи и вместе с Орысей направилась к лестнице, однако им перегородил дорогу высокий статный господин, который как раз спускался сверху.

— *Przepraszam panią...*¹ — произнес господин и осекся, увидев окровавленное платье Кати. — Простите... Пани, вам нужна помощь?

Орыся решительно отодвинула мужчину, освобождая путь. А Катя лишь отрицательно покачала головой и, даже не взглянув на него, прошла мимо.

— Видели, пан Стефан? Какова! — обратился к господину хозяин гостиницы. — Водятся со всякой рванью, а потом убийц по всему городу ищут. А может, их и искать нечего?

— Простите? Какого убийцу? — переспросил Стефан, не желая слушать сетования хозяина гостиницы.

— А, вы ж не в курсе! Ныне ж мужа пани этой прямо в церкви зарезали! — с воодушевлением сказал тот.

— Насмерть?

— Говорят, вроде пока живой, но вот-вот помрет. Шутка ли: ножом в сердце! Он прям жenuшке в руки так кулем и свалился. Ото свадебка, а!

— Да уж, бедная девушка... — произнес Стефан, оглядываясь на лестницу.

— Это как поглядеть... — отвечал ему хозяин. — Панночка эта не так уж проста! — И, доверительно понизив голос, добавил: — Знали б вы, что тут год назад из-за нее происходило!..

Новый день спустился на улочки Нежина, умыл росой весенние цветы в нарядных палисадниках, заглянул в окна горожан, а также в палату Андрея Жадана, где в этот час появилась его жена.

¹ Простите, пани... (польск.). (Здесь и далее примеч. ред.)

Богдан, который провел остаток ночи возле постели друга, тут же вскочил, схватился за пистолет на боку, но увидев, что это Катя, сразу расслабился, пропуская ее к любимому.

— Андрей выглядит чуть лучше. Вы не находите? — заметила она. — Румянец появился.

Катя взяла Андрея за руку и вдруг испугалась. Приложила ладонь ему ко лбу и тут же выбежала в коридор.

— У него жар! Доктора! Доктора, скорей!

Через минуту в палату заскочил запыхавшийся врач. По настоянию Кати он в который раз за утро осмотрел рану Жадана.

— Жар не проходит... — прошептала Катерина. — Доктор, это... — Она еле вымолвила страшное слово: — Сепсис?

— На сепсис пока не похоже, — спокойно ответил врач.

— Да ведь он весь горит!

— Голубушка, жар бывает разной природы... Он все еще жив, а это уже немало. Будем надеяться на лучшее. А пока поите его, поите. По каплям вливайте. Ему нужно много пить, дабы восполнить объем крови. Понимаете?

Катя покорно кивнула, и с этого момента ее закружило в водовороте больничной жизни: смены повязок, компрессы, постоянное волнение и тревога за любимого не оставили ей ни единой возможности подумать о себе, о своем комфорте и удобстве.

Новый день заглянул и в Червинку, однако ему также было не по силам принести туда мир и покой.

— Сказала Тихону, чтоб сразу же звал, как накроют завтрак... — появилась в дверях Лариса. Подошла к мужу и положила ему руку на плечо. — Петр Иванович...

Тот едва повернул голову.

— Знаю, горе ваше непоправимо... — медленно проговорила Лариса. — Вы многое и многих потеряли, но ведь и обрели. У вас есть я и скоро будет ребенок. Неужели мы так мало значим для вас?

— Я просто не верю... не верю, что все это произошло со мной, с моей семьей... Так не должно было быть. Не должно, — устало проговорил Петр Иванович.

— Умоляю, давайте завтра же отсюда уедем! — воскликнула Лариса.

— Уедем?! — вскинулся Петр Иванович. — Вот уж спасибо! Мы уже уехали! Вон чем закончились вояжи эти!

— Мне тут страшно, будто душит что-то... Этот дом приносит только горе, Петр Иванович...

— Вздор! Это мой дом! Мой! Я в него жизнь вложил! А теперь из-за этой... И вовсе никуда уезжать не надо было! Сидели бы тут, и имение цело было, и Гришка б, дурак, живой был!

— Петр Иванович... Зачем же... — сдавленно произнесла Лариса.

— Что такое?

Петр Иванович обернулся и увидел, как лакеи заносят в комнату портрет Григория.

— А ну, стоять! Уберите.

Лакеи замерли, понимая, что, видимо, перестарались.

— Простите великодушно, не подумали... — сказал за всех Тихон. — Все портреты вернуть на места спешили... Не подумали... Простите.

Лакеи снова завернули портрет в холстину и поспешно унесли.

— Да где этот проклятый завтрак?! — процедил Петр Иванович и бросился прочь из гостиной. Лариса засеменила за ним.

Петр Иванович влетел на кухню, за ним, придерживая огромный живот, зашла Лариса. Однако на кухне было пусто и холодно.

Павлина за занавеской собирала свои вещи на огромную хустку.

— Что за... Ты куда собралась?! — Петр Иванович резко отдернул занавеску.

— Все! Сами себе готовьте. Хватит с меня, — сказала Павлина, затягивая узел на хустке.

— Вон оно как? Бросаешь?! После всего...

— Та как вы могли?! В дождь, в ночь! Выгнать Катрυσю из собственного дома?!

— Это мой дом! Поняла?! — взбеленился Петр Иванович. — Нет никаких прав на него у этой девки! Пусть спасибо скажет, что не пристрелил за все, что она тут учинила!

— Она учинила?! — задохнулась от гнева Павлина. — Та тут, если кто и повинен, то только ж вы сам! Никого никогда, окромя себя, не любили да не жалели! Знали ж, шо Гришка в делах не смыслит ничего! И шо трус, знали! Да все признать боялись и молчали себе в тряпочку! Шо посеяли, Петр Иваныч, то и пожинайте!

— Да как ты смеешь... — окрысился тот.

— А кто вам еще правду скажет? — бесстрашно продолжала Павлина. — Все ж трясутся, как мыши. А вам искупление молить надо. За сына. И за покойницу Анну Львовну — тоже все ваша вина.

— Убирайся вон! Чтоб и духу твоего не было!

— Живите себе подобру-поздорову, — отвечала ему Павлина. — А ты, милая, — повернулась она к Ларисе, — берегись, он, аки упырь, пить жизнь будет, как из пани покойной. У него с бабами всегда так.

Павлина вышла.

Взбешенный Петр Иванович вылетел вслед за ней, не обращая внимания на кусающую губы Ларису.

— Бывайте, люди добрые, — громко, на весь двор, сказала Павлина.

— Павла! Куда это ты? — поднял голову Гнат.

— А куда глаза глядят. При этом кровопийце оставаться да в ноги ему кланяться — не по мне. То мое право выбирать, какой жизнью жить мне. Воля, она человеку для того и дадена, шоб по-человечьи жить, а не как скотина бессловесная. Или вам по нутру терпеть все это?

Люди, которые работали во дворе, подошли ближе.

— Так это ж теперь как поглядеть, вольные мы али нет? Коли б Жадан вернулся... — начал Гнат.

Тут во дворе появился Петр Иванович и не дал ему больше сказать ни слова.

— Кто за этой дурой старой следом ринется — запишу в беглые! — пригрозил он селянам, которые тут же потупились и сбились в кучу.

— Да что ж вы, как волы, все терпите да молчите?! — вскипела Павлина. — Крипаками были, крипаками и помрете. —

Она в сердцах плюнула, поправила котомку на плече и пошла со двора.

Настало время подумать Петру Ивановичу, как можно вернуть Червинку, и он поспешил в банк, по дороге прихватив с собой нотариуса. И скоро они уже вместе сидели напротив председателя банка.

Нотариус перебирал бумаги, листал банковские документы, и по всему было видно, что ему они не нравились — все было в порядке.

— Сами видите, Петр Иванович, банк действовал сугубо по закону, — подтвердил председатель, пряча глаза. — Ваш сын будто и не собирался отвечать по долгам. Что нам было делать?

— Меня уведомить, — резко сказал Петр Иванович. — Или настолько в убытках оказались, что и на чернила денег не стало?

— Так у него ж на руках бумага от вас была... А потом, знаете, я ведь не один тут. Надо мной правление. Вот и пришлось... при всем глубоком к вам уважении...

Петр Иванович хмуро зыркнул на нотариуса, и тот беспомощно пожал плечами.

— Петр Иванович, мне и самому крайне неприятен этот новоявленный выскочка Жадан, — заверил председатель.

— Послушайте, мы с вами люди свои, давно друг друга знаем-с, — отмахнулся от ненужных экивоков Петр Иванович. — И... Это не в обиду вам, не подумайте. — Он понизил голос. — Могло ли так стать, что сделка эта... оказалась бы, ну, скажем, не вполне законна? Документ какой случайно затерялся бы? А?

Председатель банка нервно оглянулся на двери.

— О займе не беспокойтесь, — успокоил его Петр Иванович. — Что сын мой брал, верну сполна, с процентами. Речь об аукционе. Как бы так признать его недействительным?

— Сие невозможно, — скривился председатель.

— А если подумать?

— Петр Иванович, господин Жадан нынче один из совладельцев банка... я... я не могу с ним воевать. Сами понимаете.

Літературно-художнє видання

КОСЕНКО О., КРЖЕЧЕВСЬКА О., ПРИСТАЄЦЬКА Н.

Кріпосна. Жадане кохання

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 18.08.2021.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 23,52 + кол. вкл.
Наклад 10000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 7032 від 27.12.2019 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КОСЕНКО Е., КРЖЕЧЕВСКАЯ О., ПРИСТАЕЦКАЯ Н.

Крепостная. Желанная любовь

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колубакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 18.08.2021.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 23,52 + цв. вкл.
Тираж 10000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 7032 от 27.12.2019 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Вона була річчю, і нею розпоряджалися, як хотіли: продавали, викупували, дарували і повертали назад. Вона втратила коханого і ледь не померла від рук жорстокої суперниці. На неї чекала доля пропашої жінки й неминуча загибель. Але сталося інакше. Кріпачка Катерина Вербицька стала вільною. Вона — наречена молодого поміщика Андрія Жадана. Того самого, який колись сам викупив себе з кріпаків. Молоді закохані чекали щастя і спокою. Однак весільна церемонія обернулася бідною. Невідомий вершник поранив Андрія і встиг утекти. На Катерину знову чекають важкі випробування.

Крепостная. Желанная любовь : роман / Е. Косенко, О. Кржечевская, Н. Пристаецкая ; лит. обраб. В. Цыбульской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 448 с. — цв. вкл.

ISBN 978-617-12-9143-0

Она была вещью, и ею распоряжались, как хотели: продавали, выкупали, дарили и возвращали назад. Она потеряла любимого и едва не умерла от рук жестокой соперницы. Ее ждала участь падшей женщины и неминуемая гибель. Но случилось иначе. Крепостная Катерина Вербицкая стала свободной. Она — невеста молодого помещика Андрея Жадана. Того самого, который когда-то сам выкупил себя из крепостных. Молодые влюбленные ждали счастья и покоя. Но свадебная церемония обернулась бедой. Неизвестный всадник ранил Андрея и успел скрыться. Катерину вновь ждут тяжелые испытания.

УДК 821.161.1(477)

Юная Катерина красива и умна. Волею своей крестной матери она воспитана как барышня благородных кровей. Но для всего мира она лишь чужая собственность, крепостная самого богатого помещика в Нежине, Червинского. Случайная встреча с пылким и благородным дворянином Алексеем Косачем стала для девушки самым счастливым событием в жизни. Но стоит ли Катерине мечтать о большем, если хозяйский сын Григорий готов на все, лишь бы заполучить такую красивую игрушку в свое безраздельное пользование, а за малейшее непослушание строптивую девицу могут продать, обменять, проиграть в карты или просто убить? И готов ли будет Алексей бороться за свою избранницу, когда узнает, что она — никто, просто имущество без прав на желания, мечты и... любовь?

Игрушка в чужих руках и бесправная кукла — вот кем была Катерина всю свою жизнь. Рабыня и прислуга. Крепостная. И теперь она вновь продана, как товар. Ее новая хозяйка — жестокая Лидия Шефер. Она уверена, что Катерина должна ответить за смерть ее возлюбленного Алексея. Лидия стремится превратить жизнь девушки в настоящий ад... Но во время народного восстания крепостной удастся сбежать от жестокой хозяйки в Киев. Впереди — опасный и безжалостный мир киевских борделей. Что же на самом деле ждет Катерину по ту сторону желанной свободы?..